

Люба-Любава

Пассажирский поезд № 2 Москва — Владивосток миновал речку Бирюсу по железному мосту и, грохоча на рельсовых стыках, промчался по откосу и далее — мимо населённого пункта с названием Бирюсинка.

Люба проводила его долгим взглядом — пока последний вагон не скрылся за поворотом, за вечными соснами. Гул уходящего состава ещё не затих, когда она поднялась на откос.

Сегодня фирменный поезд застал её недалеко от платформы, где останавливалась электричка, и ей не пришлось делать больших усилий, чтобы выйти на путь. Крутой откос, начинающийся сразу от моста, сходил на нет метров через двести, и у платформы поезда шли по ровной открытой поверхности, уходя ещё метров через двести пятьдесят, уже по низине, в сосновый лес, пологом спускающийся с двух сторон к магистрали.

Любе нравилось подниматься на откос и провожать уходящие на запад и восток пассажирские поезда. Особенно фирменный московский, который назывался «Россия». Чаше это случалось утром, когда «Россия» мчалась из столицы до самого края земли — к океану. Люба смотрела вслед уходящему составу и думала о тех, кто ехал на край света из Москвы и других городов. Зачем и почему они едут туда? Понятно, когда люди стремятся в Москву, в столицу, но вот когда из неё...

«Москва» — волшебное, сказочное слово, которое она хранила в себе, а услышав его, трепетала. Люба всегда мечтала о Москве и даже иногда представляла себя москвичкой. «Если бы я жила в Москве, то никуда бы не уезжала из этого города, — думала она. — С утра и до позднего вечера стояла бы на Красной площади и слушала бой курантов или весь день сидела бы на скамеечке возле памятника А. С. Пушкину, где влюблённые назначают свои свидания, а приезжие — встречи друзей. Вечерами прогуливалась бы у Патриарших или Чистых прудов... Обязательно ходила бы, один-два раза в месяц, в Большой театр, на балет „Лебединое озеро“ или оперу „Кармен“. И, конечно же, каталась бы в метро по бегущей вниз и поднимающейся вверх лестнице-чудеснице, проходила по оживлённым переходам со станции на станцию и ездила бы в синих вагонах электропоездов, где говорят таким красивым голосом: „Осторожно, двери закрываются!“ — и поезд с гулом ныряет в подсвеченные подземные коридоры, чтобы через полторы-две минуты снова вынырнуть у платформы залитой светом станции».

А ещё Люба знала, что где-то в подмосковном Воскресенске жила когда-то её бабушка Настасья Филипповна и что оттуда родом был её отец, и один раз, когда Люба ещё не родилась, отец возил маму в гости к бабушке. И они заезжали в Москву.

Два раза в своей жизни Люба собиралась поехать в Москву.

Один раз — с мамой в 1980-м. В том году Любе исполнилось шестнадцать, и мама, а за ней все родные и знакомые, за исключением школьных учителей, ещё звали её, как маленькую, Любашей или Любушкой. Мама работала дежурной по станции и один раз в год имела право бесплатного проезда в пассажирском поезде вместе с несовершеннолетними детьми. Отпуск мамы выпадал на середину лета, и она заказала билет до Москвы, вписав туда свою единственную дочь Любушку. Любушка-Любаша прыгала от восторга, но когда мама стала оформлять проездные документы, ей сказали, что в Москве сейчас проходят Олимпийские игры и приехать в столицу можно только по специальным приглашениям. Приглашения у мамы не было, и она, к разочарованию дочери, оформила билет в обратную от Москвы сторону — в Иркутск. Там жила мамина подруга — Татьяна. Тётя Таня. Тётя Таня вместе с мамой училась в железнодорожном училище в Иркутске и после

окончания учёбы осталась работать в областном центре, вышла замуж и всё время звала подругу в гости. И вот выдался случай.

Люба впервые в жизни оказалась в большом городе, где по улицам ходили трамваи, стуча колёсами на рельсах и предупреждая пешеходов и пассажиров о своём движении звонками. Увидела работающие от электричества троллейбусы, как автобусы, только подсоединённые «усами» к проводам и двигающиеся бесшумно. Её поражали старинные здания — деревянные и каменные, узорные и со скульптурами на крышах и фасадах.

— Ну вот, Любушка, хоть это и не Москва, а посмотреть есть на что, — говорила ей мама, и Люба согласно кивала.

Совершив несколько прогулок по городу, по набережной Ангары, они вместе с тётёй Таней, её мужем дядей Пашей и их дочерью — ровесницей Любы Аней через три дня поехали на озеро Байкал, в посёлок с названием Листвянка. Люба видела там больших белых чаек, с мамой и тётёй была в знаменитом Байкальском лимнологическом музее, узнав, что «лимнология» в переводе с греческого на русский означает «озероведение». Узнала Люба и то, что в озере обитают необычная рыба — омуль и особый вид тюленя — байкальская нерпа. Потом они совершили по берегу экскурсию к месту, где река Ангара вытекает из озера Байкал. Посмотрели издали на знаменитый Шаман-камень, который, по легенде, отец Байкал бросил вслед дочери Ангаре, когда она побежала от него к красавцу-Енисею. Люба слышала эту сказку-легенду ещё в школе, на уроке природоведения, и вот увидела этот камень наяву.

Впечатления от поездки в Иркутск, от огромного сибирского моря восхитили Любу, она была так взволнована, что даже пробовала свои впечатления записать в тетрадку. На обратном пути, в поезде, Люба сочинила несколько стихотворений и прочитала два из них маме. Однако по приезде домой впечатления от поездки в Иркутск и на Байкал стали остывать, и в сознании опять на первое место выплыло слово «Москва». Снова встрепенулась от надежд и предчувствий душа её, и грустью застряла в сердце не сбывшаяся пока мечта.

Второй раз Люба собиралась в столицу тоже летом, в августе, четыре года спустя. К тому времени она, окончив в Тайшетграде медицинское училище, уже работала фельдшером в здравпункте родной своей Бирюсинки. По сути, это был фельдшерско-акушерский пункт, где дежурили посменно два фельдшера, две медицинских сестры и две санитарки.

Опытный фельдшер Виталий Петрович много лет был заведующим здравпунктом. Да и весь коллектив медработников этого небольшого учреждения отличался стабильностью — состоял из людей, работающих здесь по десять и более лет. Молодой фельдшер Люба, выпускница медучилища, пришла на смену пенсионерке Марии Степановне, отработавшей в бирюсинском здравпункте более тридцати лет.

Здравпункт относился к железной дороге, и Любе, как и маме, один раз в год тоже полагался бесплатный железнодорожный билет. И в первый же свой отпуск она, конечно же, собиралась осуществить свою мечту. Поехать решила вместе с подругами-одноклассницами: Светланой — студенткой педагогического института и Тamarой — лаборанткой гидролизного завода.

Девчонки выстраивали планы, предполагая побывать за неделю и в Москве, и в Ленинграде. Составили список, куда сходить обязательно и куда в первую очередь. Люба сожалела, что с ними не могла поехать мама. Отпуск ей в тот год летом не дали. Но мама была рада за дочь, помогала ей откладывать деньги на поездку и готовиться в дорогу. Казалось, что мечта Любаши вот-вот осуществится: она оформит железнодорожный билет, сядет с подругами на вокзале Тайшетграда в вагон поезда дальнего следования, и поезд помчит их на высокой скорости мимо Бирюсинки, мимо здравпункта, мимо станционной платформы, мимо родного дома, через мост над речкой Бирюсой на запад, в столицу Родины — Москву. Люба уже представляла, как мама стоит на платформе станции и машет ей рукой, а они с девчонками смотрят в окно на родную Бирюсинку. Рядом с мамой — родители Светланы и Тamarы. «Хорошо хотя бы в окно успеть разглядеть их всех и поприветствовать», — думала Люба.

Но не помахала мама своей Любаше с платформы станции, и не села Люба в вагон поезда дальнего следования, и даже не оформила она билета до Москвы.

Люба шла на последнее перед отпуском дежурство и думала о предстоящей поездке. Вспоминала, всё ли собрала в дорогу и что ещё нужно взять с собой. Она вышла к откосу, когда утренний пассажирский поезд № 2 Москва — Владивосток вылетал из пролёта Бирюсинского моста. Люба остановилась на тропинке, идущей внизу откоса к станции, и проводила взглядом состав. Большинство пассажиров ещё спали: окна были задёрнуты белыми занавесками. Только в двух или трёх вагонах она заметила людей.

Сердце стучало взволнованно и тревожно. Вот так же через несколько дней и она поедет на фирменном поезде «Россия» — может быть, даже на этом самом, когда он будет возвращаться с Дальнего Востока в Москву и промчит мимо Бирюсинки.

Люба привычно махнула вслед уходящему к океану поезду и пошла следом за ним вдоль откоса.

Здравпункт находился за станцией, метрах в ста от орсовского железнодорожного магазина, и каждый раз по пути Люба, вне зависимости, работала ли в то утро её мама или нет, заходила к дежурным на станцию, здоровалась с ними и желала им хорошего наступающего дня. Часто она заставляла на станции двоих дежурных — отработавшего в ночную и пришедшего на дневную смену. Иногда бывало, что дневная смена мамы и день дежурства Любы в здравпункте совпадали, и они шли утром на работу вместе. Случалось и так: мать и дочь в одно утро заканчивали дежурства и возвращались вдвоём домой.

Ещё издали Люба увидела на платформе начальника станции с сигнальным флажком и поняла, что сегодня почему-то он, а не её мама, встречал и провожал московский поезд. Мама заступила на дежурство вчера вечером, и она должна была утром, перед сменой, выйти навстречу идущей на восток «России».

«Наверное, Дмитрий Алексеевич пришёл пораньше и решил сам встретить поезд,— подумала Люба.— Он же сейчас подменяет тётю Машу, ушедшую в отпуск на прошлой неделе».

— А я тебя поджидаю,— сказал начальник, когда Люба подошла к нему и поздоровалась.

Человек предпенсионного возраста, всю жизнь отработавший на железной дороге, он стоял перед ней в светлом железнодорожном костюме с петлицами и нарукавными нашивками. По вискам и по краям форменной фуражки отливали сединой коротко стриженные волосы.

— Меня? — Люба замерла.

Восторженное чувство, ещё минуту назад наполнявшее её, отступало и менялось на тревожное.

— Да ты не волнуйся, Любонька. Главное — не надо волноваться... Ничего вроде страшного не случилось...— заговорил неуверенно и осторожно начальник станции.— Маме твоей, Катерине, ночью плохо стало, и её увезли на скорой в город, в больницу... Тошнота что-то у неё началась, боли в животе. Может, отравилась чем, а может, аппендицит...

— Да ей ещё в молодости аппендицит удалили...— сказала Люба.

Тревожное чувство в ней нарастало, подступало к горлу.

— А чем мама отравиться могла? Она всегда в еде аккуратная и за мною следит ещё...

— Ты не волнуйся сильно, Любаша, говорю — не волнуйся...— Дмитрий Алексеевич взял её за руку.— Иди на дежурство, а я часам к девяти, когда все врачи соберутся, свяжусь по телефону с больницей, узнаю, как там, и приду в здравпункт тебе расскажу. Ладно?

Люба кивнула.

— Ну вот и нормально. Иди, Любушка, иди, работай. Не думай о плохом. Всё уладится, всё будет хорошо. Она же в нашей, железнодорожной больнице. Врачи там хорошие, опытные.

Дмитрий Алексеевич пришёл в здравпункт около полудня заметно повеселевшим.

— Прооперировали Катерину,— сказал он с порога Любе.— Я же говорил, что ничего страшного нет. Кишечная спайка у неё, как оказалось. Сейчас уже лучше. Я договорюсь сейчас с вашим заведующим Виталием Петровичем, чтобы тебя завтра утречком пораньше сменили, а ты семичасовой электричкой езжай в Тайшетград, к матери в больницу.

Люба никогда не видела маму больной. Может, и недомогала она иногда, но ни дочери, ни отцу Любы, когда он жил с ними, никому другому она о болезнях своих не говорила, и не помнила Люба и представить не могла маму свою, Катерину Петровну, лежащей в окружении врачей. Мама и названия таблеток-то многих не знала. Когда Люба была студенткой медучилища и рассказывала ей о симптомах разных заболеваний и лечении, она только посмеивалась.

И вот теперь Люба увидела маму на больничной койке, бледную, худую, беспомощную.

— Ах, Любонька, как не вовремя меня угораздило с операцией этой... Тебе бы ехать и радоваться, а теперь переживать всю дорогу будешь, обо мне думать...— сетовала мама, отводя от Любы глаза и стесняясь своей беспомощности.

— Ты что, мама? Я никуда не поеду, не оставлю тебя! — воскликнула Люба.— Ты что придумала? Дядя Дима говорит, что тебе больничный дадут на месяц. Он сам намерен свой отпуск перенести на осень, когда ты поправишься и на работу выйдешь.

— Да что там этот Алексеич выдумывает? — встрепенулась было мама, но тут же на лице её отразилась боль от неловкого движения. — У меня всегда всё быстро заживает, я через неделю уже на работу выйду или раньше. Завтра домой попрошусь. Мне уже легче...

— Ну что ты, мама, выдумываешь? Ты кому говоришь такое — мне, фельдшеру? Тебя ещё тут неделю, а то и больше продержат. Ещё смотреть будут, как чувствуешь после операции. Потом швы снимут, снова понаблюдает, а уж потом только о выписке домой речь пойдёт...

Мама загрустила от Любиных слов.

— А как же ты одна будешь? У нас же корова там, поросёнок, куры...

— Я справлюсь, — сказала Люба. — Я уже взрослая. Ты же одна справлялась, когда я училась.

— Ну, это я... Я с детства с хозяйством привыкла, — пробовала возразить мама. — У нас же, сама знаешь, всё время хозяйство большое было. При бабушке с бабушкой ещё... При отце твоём... Без хозяйства в сельской местности нельзя...

— И я, если ты знаешь, с детства с коровой и курами, — сказала ей Люба, — хоть и семья у нас не такая большая: ты, да я, да мы с тобой...

Маму выписали из больницы через две недели. Лечащий врач сказал Любе, что были некоторые послеоперационные осложнения. Забирать её вместе с Любой приехал Дмитрий Алексеевич на своём «Москвиче». На больничном режиме мама была до середины сентября. Её допустили до работы, но запретили дежурить в ночную смену. Послеоперационные осложнения всё же сказались на здоровье Катерины Петровны. Она крепилась, старалась не подавать виду, но Люба видела, как тяжело даётся маме работа по дому, и старалась сама сделать как можно больше и не разрешала матери поднимать вёдра с водой и другие тяжести.

И во второй раз обстоятельства отложили свидание Любы с Москвой. Она выходила к вечернему московскому поезду № 1 «Россия» вместе с родными Тамары и Светланы и махала подругам, уезжающим в столицу, и кричали все они вслед промчавшемуся мимо них составу:

— Счастливого пути!

А состав, пролетев мост над Бирюсой, скрылся за вечными соснами, унося счастливых подруг в Москву.

Дмитрий Алексеевич под свою ответственность оставил маму работать на станции, давая ей только дневные дежурства. Сам выходил в ночь. Помогал им в заготовке сена, копке картошки.

— Ничего, доченька, я крепкая, я сильная, я обязательно поправлюсь, и на следующее лето ты поедешь в Москву обязательно, — говорила Любе мама. — Может, на следующий год и лучше даже, чем сейчас. Там снова фестиваль молодёжи и студентов всего мира пройдёт. Как в пятьдесят седьмом, когда ты ещё не родилась. Мне только семнадцатый год шёл. У нас и телевизоров ещё тогда не было. Мы по радио слушали про фестиваль и в газетах читали. Все об этом только тогда и говорили. А потом к нам в Бирюсинку документальный фильм про фестиваль привезли. Народу, помню, собралось — больше, чем на художественный. За один раз все в клуб не поместились. Два раза кино показывали.

Люба кивала, улыбалась, подбадривала маму:

— Конечно, поправишься, мама. Ты у меня ещё сама молодая. Мы обязательно с тобой вместе в Москву поедем.

Но не пришлось поехать Любе и на следующий год в столицу. В мае в стране заговорили о перестройке и ускорении. Первые вести о переустройстве и гласности вызвали восторг у населения. Но восторг длился недолго. Прошёл, как только появились большие очереди в магазинах за продуктами питания, начались сокращения рабочих мест. Железная дорога перешла на белорусский метод работы, который подразумевал оптимизацию производства. Здоровье Катерины Петровны не улучшалось, она первой попала под сокращение, а когда в здравпункте освободилось место санитарки, Люба уговорила маму пойти на работу туда.

Любовь забираться на откос и провожать поезда передавалась Любе от отца. Она помнила, как её, пятилетнюю, отец на руках поднял однажды на откос и они стояли долго и смотрели на четыре стороны света: на дома и улицы посёлка, расположенные к югу от железной дороги; на полоски рельсов, уходящие на восток — к станции и в тайгу; на склон и гору, с северной стороны у вершины покрытую лесом; на мост через Бирюсу, по которому поезда шли на запад или с запада, и саму речку Бирюсу и на то место, где в неё впадает речушка Бирюсинка.

Отец был большой, как былинный богатырь, с бородой и усами, и имя у него было княжеское — Святослав. Под стать

имени и отчество — Игоревич. Святослав Игоревич преподавал в школе историю, знал многое из того, что связано с прошлым России, особенно с историей древней Руси. В студенческие и молодые годы, до того как стать учителем, он участвовал в археологических раскопках под Новгородом и Псковом. Школа, где отец работал, находилась в городке, что раскинулся за рекой и мостом. Городок так и назывался — Городок, а если точнее и официальнее — Городок на Бирюсе. Такое название он получил в середине шестидесятых годов, а до того звался деревней Суетка, отмечаемой на железнодорожных картах как разъезд. Городок был промышленным: круглосуточно дымил трубами гидролизный завод, весь день не смолкали пилорамы на деревообрабатывающем комбинате, и каждое лето было шумно от криков сплавщиков на Бирюсе. У сплавной конторы с весны до поздней осени можно было видеть необычных людей в интересных расписных одеждах и шляпах, приехавших в Сибирь на сезонный сплав леса с предгорья Карпат, — гуцулов. И, конечно же, большинство жителей Бирюсинки ездили на работу в Городок. По утрам на первую электричку торопились и школьники, чтобы успеть на уроки в восьмилетнюю и среднюю школы. В Бирюсинке была только начальная школа-четырёхлетка.

В средней школе Городка и преподавал историю Святослав Игоревич. Любе не пришлось бывать на уроках отца, но она слышала восхищённые отзывы старшеклассников и учителей о том, как отец интересно рассказывал и строил свой урок так, что и пятиклассники, и выпускники школы, и даже нечастые проверяющие из района заслушивались и теряли ощущение времени, забывая, где они находятся. У слушающих Святослава Игоревича разыгрывалось воображение, и им казалось, что они присутствуют на новгородском вече, участвуют в походах славян на Царьград, сражаются на Чудском озере, идут в прорыв под Полтавой и Бородино. Иногда только звонок об окончании урока приводил детей и взрослых в чувство осознания реальности.

А ещё отец Любы хорошо знал русскую классическую литературу и любил повторять дома и знакомым, что жену себе он выбрал по имени героини пьесы Островского «Гроза», что мать его Настасья была названа именем героини романа Достоевского. Дочери же своей он дал имя Любава. Так звали дочь новгородского посадника Дмитрия Завидича, впоследствии жену киевского князя Мстислава Владимировича — сына Владимира Мономаха.

Да, полное имя Любы, записанное у неё в свидетельстве о рождении, а потом и в паспорте, было не как обычно у многих — Любовь, а Любава. Люба была Любовай. И за то, чтобы у неё было именно это имя, отцу пришлось повоевать не только в сельском совете, но и в районном отделе записей гражданского состояния, и даже в самом райисполкоме.

— Если у нас родится сын, назовём его Ладомиром, а дочь — Любовай,— говорил после свадьбы Святослав Игоревич своей Катерине Петровне.

А та и не спорила с ним.

Летом 1962 года молодой историк, кандидат наук Святослав Рюрик добирался из Пскова в Забайкалье то ли на конференцию, то ли на съезд археологов, а пассажирский поезд Москва — Чита неожиданно остановился на небольшой станции Бирюсинка, недалеко от Тайшетграда. Из окна своего вагона двадцатисемилетний археолог на крыльце станции увидел девятнадцатилетнюю красавицу в железнодорожной форме и влюбился. Он выскочил из вагона, нарвал на откосе ромашек и подарил встревоженной его вниманием Катерине букетик.

— Вас зовут Катерина? — спросил пассажир с поезда дежурную по станции, вручая ей букет и целуя ручки.

— Да...— ответила растерявшаяся красавица.— А откуда вы знаете?..

— Я знаю, потому что я Святослав...— сказал он и, убегая вслед отправляющемуся поезду, крикнул: — Жди меня, Катерина! Я обязательно приеду!

Поезд стоял не больше пяти минут, а парень возле неё и того меньше, но Катя успела разглядеть черты лица и запомнить серо-зелёные глаза, русый волос, улыбку...

Улыбка его всё и решила. Она запала в сердце девушке по имени Катерина. И Катерина стала ждать и мечтать о встрече.

И парень по имени Святослав, оставивший своё сердце на станции Бирюсинка, запомнил глаза и улыбку сибирской красавицы-железнодорожницы и день и ночь думал о ней.

Он приехал в Бирюсинку почти через год — в конце мая 1963-го. Бросил археологию, свои раскопки и устроился учителем истории в средней школе Городка на Бирюсе.

Новому педагогу, да ещё кандидату исторических наук, сразу предложили комнату в общежитии гидролизного завода, но Катерина настояла на том, чтобы молодые поселились в доме

её родителей. Дом был большой, построенный специально для железнодорожников, с двумя просторными комнатами и широкой кухней. Отец Катерины Пётр Фёдорович, фронтовик, много лет работал в путеремонтной бригаде и даже одно время был бригадиром. Следил за состоянием железнодорожного пути на вверенном ему участке, в летнюю путейскую страду менял искривившиеся рельсы и подгнившие шпалы, зимой выходил на борьбу со снежными заносами. К сорока пяти годам он основательно подорвал здоровье (обострилась фронтовая рана в правом плече, до того надолго притихшая), и к тому времени, когда в доме появился зять, числился Пётр Фёдорович уже стационарным рабочим: подметал перрон, помогал заготавливать уголь и дрова для здравпункта, школы и орсовского магазина. А заведующей и одновременно продавцом в орсовском железнодорожном магазине была мать Катерины — Анна Васильевна.

Пётр Фёдорович и Анна Васильевна Кувшинниковы, как и большинство сельских жителей, держали домашнее хозяйство: корову, поросят, курей, — и паре сильных молодых рук Святослава сразу нашлась работа. Зятя родители Катерины приняли вначале осторожно (всё-таки человек иного, чем они, склада), но Святослав очень скоро расположил их к себе, сразу по-свойски стал называть тестя батей, а тещу — матерью. Тесть с зятем, доказывая делом своим женщинам, что руки их на многое способны, провели переустройство дальней комнаты, соорудив там стенку-перегородку, прорубили ещё одну дверь на кухню, и в доме получилось две спальни. Бракосочетались молодые скромно. Расписались в районном загсе, купили десять бутылок «Старорусской» водки, пять портвейна, шампанского, позвали несколько человек из числа родных, знакомых, соседей и подруг Катерины. Приглашали из Иркутска и подругу Катерины Татьяну с мужем Павлом, но они приехать не смогли и прислали только поздравительную телеграмму.

За прожитые вместе восемь лет не случилось ни одного недоразумения между старшим и молодым поколением. Несмотря на свою занятость школьными делами, Святослав по первому зову тещи или тестя все свои дела откладывал и срочно брался выполнять наказания старших. Всегда с улыбкою и шутками. Лишь один раз видели Пётр Фёдорович и Анна Васильевна зятя возбуждённым и настойчивым — когда родилась Люба. Вернее, когда пошли они через несколько дней все вместе в сельский совет записать её имя и получить свидетельство

о рождении. Но секретарша сельсовета, узнав, как они хотят назвать ребёнка, воспротивилась.

— Нету в перечне разрешённых имён никаких Любав! — сказала настойчиво им секретарша, а председатель согласно поддакнул:

— Мы даже имя Алёна не записываем. Пытались тут одни записать Алёной девочку, мы их переубедили и записали Еленой.

— Как нету? — забасил, грозно надвигаясь на председателя сельского совета и его секретаршу, молодой отец. — Это старинные русские имена: Любава, Забава, Алёна! Может, у вас в перечне имён ещё и Святослава нет? Я вот — Святослав!

— У нас нет, — сказала отступающая к окну секретарша. — У нас бы вас Станиславом или Владиславом записали.

— А я не Станислав и не Владислав, я — Святослав! По имени русского киевского князя! Вы историю в школе проходили?

— Мы проходили и помним, — сказал, уже стоя у окна, председатель сельсовета. — Только у нас не древняя Киевская Русь и не царское время, а советская власть, и имена княжеские нам не нужны, уважаемый Святослав Игоревич. Это вы у себя в школе там рассказываете своим ученикам про князей, вам за это деньги платят. А мы свою работу будем делать. Позвольте уж.

— Я не позволю вам ломать судьбу моей дочери! Она будет Любава по имени, а по отчеству Святославовна.

— Нет! — неожиданно резко возразил председатель сельсовета. — Либо записываем её Любовью, либо — до свидания! Езжайте в районный загс, в райисполком и там доказывайте свою правоту.

— До свидания! — попрощался с работниками сельсовета Святослав и, решительно взяв из рук Катерины кроху-дочь, вышел на крыльцо.

За ним молчаливо последовали жена, тёща и тесть.

Стоял тёплый солнечный день начала третьей недели сентября. Некоторые берёзки уже позолотились по вершинам, но большинство деревьев ещё украшала крепкая, казалось, изумрудно-зелёная листва.

Они шли домой по улице мимо залитых солнцем домов, мимо соседей, копающихся в огороде и запекающих на кострах картошку. Огородный дымок щекотал ноздри и возбуждал аппетит.

— А давайте тоже сейчас разведём костёр в огороде и напечём картошки, — предложила Катерина.

— Конечно, давайте. Что мы — хуже других, что ли? — поддержал дочь Пётр Фёдорович.

— Давайте напечём! — улыбнулся знакомой, всем привычной улыбкой Святослав.

Несмотря на мелкие огорчения, всем хотелось жить и радоваться.

— А мне и Любовь имя нравится, — решила высказаться Анна Васильевна. — Всё равно ведь, Святослав, пока она ребёнок, её Любой звать все будут.

— Да, Анна Васильевна, её все, пока она ребёнок, наверное, будут звать Любой, но записана она будет Любовью, а не Любовью! — утвердительно и убедительно для всех сказал Святослав.

Через день Святослав и Катерина с маленькой дочкой поехали в Тайшетград и к вечеру вернулись счастливые — привезли свидетельство о рождении на имя Любовы Святославовны Рюрик.

Люба помнила отца всегда жизнерадостным и отзывчивым. В школе он вёл кружок по изучению родного края, летом ходил с добровольцами-старшеклассниками в турпоходы в верховье Бирюсы. Святослав Игоревич хорошо плавал. Запросто переплывал Бирюсу в самых широких её местах, что делали не многие даже местные жители. Боялись топляков — погрузившихся под воду тяжёлых деревьев, оторвавшихся от сплавных плотов и путешествующих по Бирюсе самостоятельно. Были случаи, когда на такие не видимые на поверхности топляки нарывались далеко заплывшие купальщики, и иногда это им стоило жизни. Случалось, что топляки торпедировали рыбацкие лодки — переворачивали их или наносили пробоины. Каждый год после весеннего половодья, словно огромные рыбины, на берегу оставались лежать скользкие, чёрные, обросшие водорослями, разбухшие от воды брёвна. Специальная бригада сплавщиков расчищала от них берега и увозила их в отведённое недалеко от сплавной конторы место складирования. Сплавщики же в середине мая обследовали и места купания, вытаскивая с помощью шестов и тросов залёгшие недалеко от берега в тине и песке топляки, или, как они сами говорили, «морёный лес».

Бирюсинская ребятня сравнивала этот процесс с разминированием берегов, называя спрятавшиеся в тине деревья минами, а вытаскивающих их сплавщиков минёрами. Некоторые шутники после проведённых сплавщиками работ ставили на берегу таблички с надписью: «Мин нет».

Святослав Игоревич топляков не боялся. Хорошо ориентировался и держался на воде. И свою Любу-Любаву он обучил плаванию рано, лет в пять-шесть. Ещё дошкольницей Люба чувствовала себя в воде как дома. Да и не было в этом ничего удивительного: все мальчишки и девчонки Бирюсинки к школьным годам уже пробовали если не переплыть речку, то хотя бы один раз доплыть до её середины. А уж ныряли с обрыва головой вниз, едва научившись ходить.

В мире, согласии и любви жила семья Кувшинниковых — Рюриков. Святослав Игоревич с заботой и любовью относился к Катерине Петровне. По возможности провожал её на работу и встречал после смены. Вместе ездили они на ярмарки в Городок и Тайшетград. А на второе лето совместной жизни, когда Катерина была на седьмом месяце беременности, решились молодые поехать на родину Святослава — в Воскресенск. Сын представил матери жену. Мать одобрила выбор сына. В общем, невестка приглянулась свекрови, а Настасья Филипповна, ещё не старая, приятной наружности женщина, понравилась Катерине. Туда и обратно в Сибирь ехали Святослав с Катериной через столицу, и после Люба-Любава думала-гадала: была ли она в Москве? Вроде бы её возили, но ведь она тогда ещё не родилась...

В Бирюсинке многие с симпатией относились к Святославу Игоревичу и Катерине Петровне, любили и привечали их дочь Любу, всегда ухоженную и опрятную. Уважали учителя истории и коллеги-педагоги, и многие родители его учеников. Но, видимо, были и такие, кому чужое счастье не даёт покоя, кто завидовал семье Рюриков и тайно мечтал о том, как бы навести на счастливых людей порчу или сглаз.

Каждому, даже внешне кажущемуся счастливым, человеку выпадают в жизни испытания. Иногда посильные, и люди преодолевают их через волю и терпение. Иногда тяжёлые и в одиночку неодолимые. Тогда-то и проверяются на прочность любовь, характер, внутренняя сила каждого. Тогда-то на первое место и выходят сплочённость и поддержка тех, кто рядом. Но и эти испытания способны выдержать люди. Хуже всего, когда беда приходит неожиданно и не одна. Одно несчастье тянет за собой второе, а второе, бывает, и третье... И, случается, сбиваются в одну стаю горе и несчастья...

Испытания — беда, горе, печаль — пришли в дом Кувшинниковых — Рюриков на девятом году совместной жизни Катерины и Святослава, доселе благополучной и счастливой.

В середине января 1972 года, перед крещенскими морозами, заболел сильно Пётр Фёдорович. Выходил утром во двор, а когда возвращался, упал вдруг в сенях и не смог подняться. Зять и дочь занесли его в дом, положили на кровать. Он бредил, то и дело терял сознание. На скорой отправили главу семьи в районную больницу. Почти месяц врачи пытались привести его в нормальное состояние, но не смогли. Отец Любы узнавал и дочь, и зятя, и жену, но речь к нему не возвращалась. Он лишь бормотал что-то вполголоса, приподнимался на кровати, даже садился иногда, но ноги его не держали. В конце февраля привезли Петра Фёдоровича домой, и спальня родителей превратилась в больничную палату. Больному носили еду, лекарства, помогали есть, пить, умываться. Анна Васильевна перенеслась в зал, стала спать на диване. Спала плохо. Всё время прислушивалась, заглядывала в спальню, проверяла: как там муж?

А в марте, во время весенних школьных каникул, Святославу Игоревичу из Воскресенска пришла телеграмма: *«Срочно выезжай тчк Мать больна тчк Шура»*.

Как понял Святослав, телеграмму отправила тётя Шура — соседка Настасьи Филипповны. Он в тот же день собрался и поехал на скором московском поезде, но живой мать не застал.

Святослав пробыл в Воскресенске неделю, после похорон помог оформить документы на дом матери её младшей сестре, своей тётке Павлине Филипповне.

— Я, да и Шура приглядим за домом, Святослав, — говорила ему тётка Павлина. — Если надумаешь приехать жить один или с женой — знай: дом этот твой.

Павлина Филипповна жила в городе Пушкино. Святослав помнил её молодой и незамужней. Он был школьником, когда приезжал сватать Павлину из Пушкино отслуживший армию сержант Сева в военной форме. Помнил он свадьбу и слова матери: «Павлинку замуж в Пушкино отдали». Так она говорила своим знакомым и соседям.

Ещё на два дня Святослав задержался в столице. Заезжал к своим друзьям-археологам, и, как оказалось, заезжал не зря.

В Бирюсинку он вернулся с желанием отправиться на лето в археологическую экспедицию. Поездка изменила Святослава. Он, бывало, сидел задумчивым по полчаса, глядя перед собой или в окно, и, казалось, не замечал ни жену, ни дочь, ни тещу. Катерина с Анной Васильевной даже иногда не узнавали его.

— Как подменили,— сказала мать дочери через неделю после возвращения зятя.

Катерина понимала, что смерть своей матери муж переживает мучительно, и старалась не замечать его странностей.

— Время лечит,— ответила она Анне Васильевне.

— Я, Катя, договорюсь с директором школы, чтобы отпустил меня в конце мая в отпуск, напишу ещё без содержания и поеду на лето в экспедицию,— сказал как-то Святослав жене.— Есть интересная работа. Кажется, целый древний город нашли в Новгородской области. Предположительно постройки пятого-седьмого века. Может сенсация произойти в области археологии. Мне там надо быть обязательно. К сентябрю вернусь.

Катерина кивнула ему, соглашалась. Согласился с его доводами и директор школы, и двадцать седьмого мая 1972 года, в субботу, Катерина проводила мужа. Он уехал скорым московским поездом.

Первое письмо от Святослава пришло в начале июля из Старой Руссы. Он сообщал, что участвует в раскопках, занят работой с утра до вечера («с рассвета до заката»,— было написано в письме) и иногда так увлекается делом, что даже забывает про обед. В конце небольшого послания муж писал Катерине, что скучает по ней и по дочери и уже думает о том, какими подарками их удивить по приезде.

Катерина сразу же написала ответ на номер почтового отделения с пометкой «До востребования», как велел Святослав.

«А у нас всё так же. Отец никак не поправляется, а в остальном всё нормально. Мы тебя ждём и тоже скучаем. Но ты работай, совершай свои открытия, сильно за нас не переживай»,— написала она в своём послании.

Второе, совсем коротенькое, письмецо прислал Святослав в середине августа. Из него Катерина поняла, что муж собирается в Москву — повезёт находки и, возможно, там задержится на несколько дней, о чём сообщит директору школы телеграммой.

«Ты, Катя, мне сюда уже не пиши. Письмо не успеет, наверное. Я сам скоро приеду. Целую тебя и Любаву. Самые лучшие пожелания Анне Васильевне и Петру Фёдоровичу. Пусть отец поправляется»,— такими словами заканчивалась весточка Катерине от мужа.

К первому сентября Святослав Игоревич в Бирюсинку не вернулся. Как выяснила Катерина, директор школы от него

никакой телеграммы не получал. Не приехал он ни через неделю, ни через две, ни через месяц.

Катерина дома, а директор в школе забили тревогу. Катерина не знала, что делать и куда обращаться. Директор тоже знал немного. Решили написать письмо в Москву, в институт археологии, про который говорил Святослав. Нашли адрес и письмо отправили. Но ответа ни в октябре, ни в ноябре не получили.

В двадцатых числах декабря Катерина обнаружила в почтовом ящике среди газет помятый конверт, без указания обратного адреса и штемпеля. Тетрадный листочек внутри конверта тоже был измят. Видимо, его не один раз складывали и вдвое, и вчетверо.

На листочке размашисто и торопливо, как поняла Катерина, было написано почерком Святослава:

«Катюша, милая моя, произошло чудовищное недоразумение. Нас с друзьями обвинили в сокрытии и похищении археологических находок. Арестовали и увезли в тюрьму. Ты, главное, не расстраивайся и никому ничего не говори. Я думаю, скоро разберутся и нас отпустят. Письмо никому не показывай. Мне обещали, что передадут его тебе лично в руки. Прости и жди. Я невиновен. Святослав».

Катерина прочитала письмо на кухне, положив газеты на стол и присев на табурет, а когда прочла, письмо выронила и схватилась за сердце. Это увидела хлопотавшая у печи Анна Васильевна.

— Что? Что с тобой? — бросилась мать к дочери.— От кого письмо? От Святослава?

Катерина ничего не могла ей сказать. Она сидела побледневшая, прижимая обе руки к груди.

Анна Васильевна подняла с пола листок.

— Боже, Боже! Боже! — воскликнула она.— Святослав... Что теперь о нас люди-то скажут? Святослав...

Катерина, задыхаясь от нехватки воздуха, хотела что-то сказать матери, но та вдруг широко открыла рот, откинула голову назад и рухнула на пол.

Видя это, Катерина попыталась подняться, но почувствовала резкую острую боль под сердцем и потеряла сознание.

Она пришла в себя оттого, что её тормошили за плечо. Открыв глаза, увидела над собой заплаканное лицо дочери.

— Люба, Любонька, ты что, уже со школы пришла? — спросила её Катерина.

— Да, мама. А что ты и бабушка на полу лежите? — всхлипывала и вытирала руками слёзы Люба.

Катерина приподнялась. Рядом с упавшим возле неё табуретом, с открытыми остекленевшими глазами, лежала её мама — Анна Васильевна.

Анну Васильевну похоронили двадцать пятого декабря 1972 года на сельском кладбище, а двадцать восьмого декабря умер Пётр Фёдорович. Он несколько дней до этого не видел жены и подавал знаки дочери — видимо, пытался узнать, где она. Катерина молчала и отводила глаза. Отец, было видно, встревожился, явно что-то почувствовал: перестал есть и отказывался от лекарств. Он лежал тихо весь день двадцать седьмого. Катерина несколько раз подходила к его постели и в ночь на двадцать восьмое декабря. Отец дышал ровно, лежал с закрытыми глазами. Спал он или нет, дочь так и не поняла. Утром он силился ей что-то сказать, делал движения руками и пальцами, но, поняв бессмысленность своих попыток, притих и отвернулся лицом к стене.

Катерина заглянула к нему после полудня, хотела покорчить с ложечки, но едва коснулась его руки — поняла, что он умер.

Вскрытие делать ему не стали и похоронили в субботу, тридцатого декабря, рядом с могилой жены.

Так получилось, что к похоронам Анны Васильевны заказать оградку не успели, и теперь сделали сразу на двоих одну. Её привезли из Тайшетграда, длинную и широкую, покрашенную в синий цвет. Рядом с могилками поставили столик и две скамеечки.

Супруги Кувшинниковы снова были рядом, теперь в одной просторной оградке. Активное участие в похоронах принимали железнодорожники. Всю организацию вторых похорон и большую часть первых взял на себя Дмитрий Алексеевич, начальник станции Бирюсинка. Это он заказывал оградку, столик и организовывал поминки.

Катерина и в первые, и во вторые похороны с трудом верила в происходящее. Ей казалось, что она видит страшный нескончаемый сон и должна вот-вот проснуться. Но сон не заканчивался, а сознание то и дело возвращало её в реальность и подсказывало, что всё происходит наяву и надо что-то делать, как-то жить дальше. Мысленно она благодарила начальника

станции, но всё же не проронила ни слова на похоронах. Лишь плакала и прижимала к себе дочь. Глядя на свободное место в оградке, она невольно подумала, что это место оставлено для неё.

После похорон и поминок, в воскресенье, тридцать первого декабря, во второй половине дня, начальник станции принёс Катерине с Любой аккуратную ёлочку и большой пакет конфет и фруктов — подарок Любе.

— Горе горем, Катя, а всё-таки Новый год наступает,— сказал Дмитрий Алексеевич.— Я понимаю, что тут вам не до веселья, но ёлочку давай всё же поставим. Она вам горе скрасит.

Люба запомнила тот новогодний вечер на всю жизнь. Впервые они сидели возле ёлки вдвоём с мамой. В полутьме. Маленькой Любе казалось, что любимые ею и любящие её дедушка, бабушка и папа ушли за подарками и скоро придут, вернуться вместе с Дедом Морозом и Снегурочкой, и снова в доме станет светло. Дед Мороз раздаст всем подарки, бабушка зажжёт бенгальские огоньки, а папа выстрелит в потолок пробкой от шампанского...

Но не было в тот вечер ни Деда Мороза, ни Снегурочки. Не пришли, не вернулись дедушка с бабушкой, не пришёл папа.

Лишь трещала поленьями в полутьме топившаяся в доме печка, бросая на входную дверь полоски света, выбивающиеся через щёлку в печной дверце, да падали в открытое поддувало искорки и гасли, превращаясь в золу.

Люба подошла к платформе. Несколько жёлтых листочков, упавших с берёзок, шурша, катались по асфальту. Ярко светило сентябрьское солнце, но вдали из-за сосен Любе навстречу плыли небольшие кучевые облака.

«Сегодня к вечеру дождь обещали,— вспомнила Люба про переданный по радио прогноз погоды.— Вот уже и сентябрь набирает ход... Мой месяц. На следующей неделе мне исполнится тридцать семь лет. Скоро, совсем уже скоро пожелтеют берёзки под окном здравпункта и закружит, закружит листва... Прошло, пролетело ещё одно лето... Пролетит и осень — не заметишь... Придут за ней зима и Новый год... Очередной год... Идёт, идёт время, летят, летят годы... Куда, куда же они летят?..»